

**\*RODIČI – RUOTSI – РУСЬ: КРИТИЧЕСКИЕ  
ЗАМЕТКИ К НОВОЙ ЭТИМОЛОГИИ СТАРОГО  
ЭТНОНИМА**

*Ключевые слова:* историческая лингвистика, этимология, этнонимика, Русь, Ruotsi, норманская теория, антинорманизм

В статье подвергается критическому разбору (преимущественно с лингвистической точки зрения) предложенная Г.В. Дзибелем новая этимология территориально-племенного названия “русь” как производного от “родичи”, усвоенного правосточно-славянским языком через посредство фин. *Ruotsi: Rodiči – Ruotsi – русь*. С использованием методик историко-лингвистического (этимологического и семасиологического), а также источниковедческого анализа демонстрируется наличие в данной этимологии ряда преувеличений, недоказанных утверждений и прямых ошибок. Самым слабым местом в обосновании новой этимологии представляется тезис о фин. *Ruotsi* как посредствующем звене между исконным этнонимом “родичи” и результирующим самоназванием Русь, поскольку от слав. *\*rodiči* в финском могло произойти только *\*Ruotisi*. Отсутствие в *Ruotsi* гласного *i* в середине слова не позволяет принять такую этимологию. Автор приходит к выводу, что наиболее убедительной остается славянская этимология слова “русь”, предложенная еще в середине XX в., из прасл. *\*roud-sъ* “сообщество людей с русыми/рыжими волосами”.

Статья Г.В. Дзибеля при достаточно небольшом объеме освещает довольно широкий круг вопросов, связанных с этногенезом в целом, а также с генезисом древнерусской династии Рюриковичей и происхождением самого этнонима “русь”. Автор привлекает обширную специальную литературу, демонстрируя прекрасное знание предмета и пытливость в поиске решения одной из главных проблем исторической русистики — проблемы этимологии названия “русь”. Мне в свое время также пришлось писать об этом (Максимович 2006), и теперь было весьма лестно убедиться, что, во-первых, эта тема по-прежнему волнует историков и этнологов и, во-вторых, многие “антинорманские” доводы, высказанные мною ранее, были восприняты и критически использованы в обсуждаемой работе Г.В. Дзибеля.

Г.В. Дзибель ставит перед собой три цели: “...вызволить проблему происхождения термина *русь*, российской государственности и династии Рюриковичей из пут идеологических распрей, вычленив рациональное зерно и точки соприкосновения в исследованиях норманистов и ненорманистов и взглянуть на эту проблему с позиций современной антропологии родства (*kinship studies*)”.

Представляется, что постановкой первой цели автор взвалил на себя непосильную ношу, ибо идеология уже давно и прочно пустила свои корни в исторических исследованиях и едва ли когда-нибудь согласится освободить ученый дискурс от своих “пут”. Данная задача представляется невыполнимой в принципе и уж тем более не достигается публикацией одной-единственной статьи. Впрочем, следует, безусловно,

**Кирилл Александрович Максимович** | <http://orcid.org/0000-0003-0982-3495> | [kirmaksimovic@gmail.com](mailto:kirmaksimovic@gmail.com) | д. филол. н., научный сотрудник | Университет им. Иоганна Гутенберга (55099, Mainz, Saarstraße 21, Rheinland-Pfalz, Deutschland)

приветствовать стремление ученого не засорять чистый родник научного познания идеологическими примесями, тем более что он не только на словах декларирует научную объективность, но и сам следует (или, по крайней мере, пытается следовать) данному правилу в своей работе.

Третья из поставленных целей имеет дело с новейшими научными направлениями, такими как популяционная генетика, молекулярная фамилистика, молекулярная генеалогия и палеогеномика. Их проблематика, к сожалению, выходит за рамки моей научной компетенции, поэтому я не буду подвергать разбору относящиеся к этим направлениям рассуждения и выводы автора, предоставив судить об этом специалистам.

Я бы хотел сосредоточиться на второй поставленной Г.В. Дзибелем цели: “...вычленив рациональное зерно и точки соприкосновения в исследованиях норманистов и ненорманистов”. Интересно, что автор не становится ни на одну из полярных точек зрения, а ищет их примирения — это, безусловно, подтверждает заявленную им объективность подхода, поскольку непредвзятым исследователям (к каковому отношению и себя) уже давно понятно, что обе враждующие между собой гипотезы имеют как сильные, так и слабые стороны, и дело остается только за тем, чтобы объединить сильные аргументы в рамках новой, непротиворечивой теории, а слабые попросту отбросить (сдать в научный “архив”).

Обозначив цели работы, автор углубляется в лингвистическую проблематику и весьма квалифицированно рассуждает о влиянии дейктических (местоименных) форм на этнонимы. Так, в этнониме “шведы” (свеи, свеоны) он обоснованно видит индоевропейскую основу *\*swe-* “свой”, что позволяет ему сделать вывод о том, что данным именем обозначалось первоначально родовое объединение “своих”, т.е. сородичей, в отличие от “чужих”, иноплеменников. Это наблюдение подтверждается этнографическими данными о четкой и практически не знающей исключений оппозиции “свой—чужой” в первобытных коллективах. Известны случаи, когда название другого народа превращалось в обобщенное наименование “чужого”: таково, например, прагерм. *\*theud-* “немец” (ср. тот же корень в слове “тевтон”), превратившееся в праславянском языке в *тоуждѣи/щюжѣи* “чужой”. Корень *\*swe-* автор справедливо видит также в славянских терминах родства и свойства *свекор*, *сестра*, *своjak*, в слове *сват* и др. Указанный способ образования этнонима “шведы” выглядит вполне вероятным, тем более что он имеет типологическое соответствие в названии еще одного германского народа — швабов (лат. *Suebi/Suevi*, нем. *die Schwaben*), а также в таких названиях, как германские *Semnonēs* у Тацита (< *\*suebhnon-*) или итальянские *Sabīnī* и *Sabellī*.

Если рассуждения автора об этимологии названия “шведы/свеи” выдержаны в строго научном лингвистическом ключе, то его лингвистические методы, как только речь заходит о “руси”, начинают давать сбой. Г.В. Дзибель верно замечает, что хронологически первое упоминание “руси” в Бертинских анналах (839 г.) указывает на дифтонгический характер “у” — *ou*, “иначе было бы *\*ръсь*”. Однако следующая фраза заставляет сомневаться в лингвистической компетенции автора в области палеославистики. Так, безусловно неверным представляется тезис: “Если бы слово было праславянской древности, то по законам славянской фонетики (так наз. правило RUKI), ожидалось бы *\*рушь* (от более древнего *\*рухъ*)”.

Дело в том, что: 1) форма *\*рухъ* в (поздне)праславянском в принципе не реконструируется, так как заднеязычные согласные перед редуцированным “ерь” (как и вообще перед гласными переднего ряда) фонетически невозможны, и 2) верхняя граница “праславянской древности” в современной славистике датируется началом падения редуцированных гласных в праславянском языке, т.е. временем (в зависимости от языковой территории) от X до XI в. А это означает, что слово “русь”, впер-

вые зафиксированное в 839 г., вопреки Г.В. Дзибелю, вполне может быть и безусловно является (поздне)праславянским образованием.

Далее автор берется за опровержение автохтонной (славянской) этимологии *руси*, предложенной более полувека назад (Otrębski 1960). Мне эта этимология представляется единственно верной и с лингвистической (как и со многих других) точки зрения вполне убедительной (Максимович 2006: 50–54). Г.В. Дзибель, однако, придерживается иного мнения: «...в этимологии \*roud-s “красноватый, бурый, рыжий” просматривается та же проблема, что и в скандинавской: связь между понятиями произвольна. Как писал Л.С. Клейн, “созвучий можно найти сколько угодно, но конкретные пути превращения этих слов в этноним не засвидетельствованы” (Клейн 2009: 69)».

Сразу отметим здесь странность: по поводу сложной лингвистической проблемы автор почему-то ссылается на специалиста в области археологии. Однако и собственное “опровержение” Г.В. Дзибеля выглядит несерьезным, ибо “произвольность” связи двух понятий попросту декларируется, т.е. утверждается без доказательств. Подобный стиль трудно назвать не только “объективным”, но и вообще имеющим отношение к науке, тем более что названия народов по их внешнему виду истории известны: назовем здесь хотя бы “безгрудых” амазонок, “светлых” роксоланов, “длиннобородых” лангобардов или “черных” мавров. Или, по Г.В. Дзибелю, эти понятия тоже связаны “произвольно”?

Далее автор переходит к интересному феномену отождествления в источниках “руси” то со шведами и варягами, то с франками/фрягами. Он справедливо отмечает, что

русы/росы и свеи иногда сливаются (как и в современных финноугорских языках) в континентальных западноевропейских, древнерусских и византийских письменных источниках, но никогда в скандинавских. Свидетельств участия германского корня \*roþ- в создании какого бы то ни было этнонима в языке шведов или других германцев не существует.

Этот последний тезис, упорно игнорируемый “норманистами”, показывает — и Г.В. Дзибель это прекрасно осознает, — что будь этноним “русь” скандинавского происхождения, он бы непременно оставил следы в скандинавской этнонимике, а коль скоро этих следов нет, следует логически предполагать возникновение данного слова ВНЕ скандинавского ареала<sup>1</sup>.

И вновь лингвистический вопрос походя разрешается автором ссылкой на специалиста в археологии: «Однако этимология, выводящая *русь* из слав. \*roud-, \*rōd-, \*ryd- “красноватый, бурый, рыжий”, объяснить случаи эпизодического, но повсеместного отождествления руси и свеев не может (Клейн 2009: 69)». И дело здесь даже не столько в несоответствии специальностей — археологии и лингвистики, сколько в элементарном логическом ляпсусе, поскольку текстология (и особенно прагматика) средневековых источников (отождествление *руси* со *свеями*) и этимология этнонима вообще никак не связаны между собой. Один вопрос — как возникло слово, и совсем другой — какие функции и какое осмысление оно получило в последующей письменной традиции. Так, например, слово “Зевс” (верховное олимпийское божество греков) этимологически восходит к и.-е. корню \*dyēw- “сиять” (ср. лат. *dies*, рус. *день*), т.е. изначально связано с солнечным светом, однако во всей греческой традиции Зевс осмысливается как бог грозы и дождя, тогда как дневной свет олицетворяют Аполлон и Гелиос. Налицо коренная разница этимологии и последующего узуса. Точно так же повсеместное на Западе отождествление украинцев с русскими никак не связано с этимологией (о которой на Западе никто не знает) Украины как “окраины”, а объясняется всего лишь исторически длительным вхождением Украины в состав России.

В моей работе 2006 г. приведены примеры отождествления двух разных этносов в средневековой письменной традиции. Позволю себе самоцитату:

...шведы, пришедшие к финнам со стороны восточных славян... могли получить имя последних (“рус”) — так же, как восточные славяне, осевшие к югу от Литвы, получили литовское название южного народа “готы” (*Gudai* — лит. ‘белорусы’); как в Византии тюрки, скандинавы и славяне, приходившие со стороны северного Причерноморья, назывались “скифы”. По той же причине (возможно, также на основании конфессиональной близости) восточные славяне в скандинавских источниках могли именоваться “греками” (*girzkr*) (Максимович 2006: 21, прим. 21).

Итак, этимология *руси* и отождествление в некоторых источниках *руси* и *свеев* — вопросы, не связанные друг с другом. Соответственно, “аргумент” Л.С. Клейна не выдерживает элементарной логической критики, не говоря уже о фактической.

После долгих (занимающих более половины объема статьи) рассуждений о всевозможных этнонимах, основанных на идее “(своего) рода, родственной связи”, а также после критики как “норманских”, так и “антинорманских” заблуждений Г.В. Дзибель переходит наконец к главной цели своего труда — обоснованию новой этимологии термина “рус”. Позволю себе еще одну цитату из обсуждаемой статьи:

Ключ к происхождению этнонима *русь/рос* и его употреблению в отношении свеев коренится в самоназвании самих свеев. Как было изложено выше, *Svíar/Swe(h)on/Suiones/cveu* надежно возводится к ПИЕ корню *\*swe-* и производной от него основе *\*swoi-*, которая означала “свои, родичи”. Значение самоназвания свеев настолько прозрачно, что без труда могло переводиться на другой язык как самими свеями, так и другими этносоциальными образованиями <...> При переводе на древнерусский *Svíar* должно было давать не что иное, как *\*svoji* “свои” или *\*rodiči* “родственники, родичи” (подчеркивание мое. — К.М.).

Подчеркнутые мной выражения представляют собой домыслы, не подкрепленные никакими свидетельствами. Сначала автор пишет, что нечто “могло” произойти, а потом принимает эту возможность за уже осуществленную реальность и говорит о том, что “должно было” произойти при этих условиях. Такая игра модальностями, увы, весьма далека от подлинно научных стандартов (хотя, разумеется, в эпоху постмодерна мы видели еще и не такое).

Смотрим далее по тексту:

В свете самоназвания свеев *Svíar* северо-восточнославянские племена могли начать использовать форму *\*rodiči* не просто как предикативное слово, а как дейктическую лексему, указывающую на новую, надродовую восточнославянскую общность людей, верящих в свое общее происхождение.

За тысячу лет до появления в источниках слова *русь/рос* точно такой же семантический процесс привел к образованию этнонима древних свеев (*Suiones* у Тацита) и, соответственно, современных шведов из термина для обозначения родственных группировок у древних германцев (подчеркивание мое. — К.М.).

Предположим, что автор прав и самоназванием восточных славян в позднепраславянский период под скандинавским влиянием (“свои”, *Svíar*) стало *\*rodiči*. Однако от “родичей” до “руси” дистанция весьма длинная. И тогда автор прибегает к универсальной норманской “отмычке” — фин. *Ruotsi*:

На севере Восточной Европы, в условиях славяно-финско-скандинавского пограничья... развитие *podich* > *русь* не было эндогенным, а произошло через посредство финно-угорских языков. В финно-угорских языках древний восточнославянский термин *\*rodičь* (мн. ч. *\*rodiči*), использовавшийся отдельными родами, видимо, трансформировался в *\*rōts-* и стал относиться ко всем восточным славянам.

Итак, по Г.В. Дзибелю, развитие шло следующим образом: сначала восточные славяне осознали, что все они между собой “родичи” и начали использовать это слово в повседневном (официальном и неофициальном) общении. Далее финские народы заимствовали у славян слово *rodichь*, превратив его в \**rōts-*, и начали называть славян этим словом. “На следующем историческом этапе экзоэтноним \**rōts-*, наряду с похожими этнонимами типа *емь*, *сумь*, *весь*, *корсь* и пр., был воспринят северо-восточными славянами уже в качестве самоназвания, когда возникла необходимость обозначить новую надродовую, этническую реальность”.

Здесь Г.В. Дзибель вновь попадает в некий логико-герменевтический тупик: ведь название “этнической реальности” у северо-восточных славян (новгородцев), граничащих и со шведами, и с финнами, уже существовало — а именно, самоназвание “словене”, — о чем автор и сам писал несколько выше. Ильменские “словене” (новгородцы) себя называли именно так, никакой “Руси” в новгородских землях не было, это название издревле (от самого начала русского государства и даже раньше) было закреплено за Киевом и несколькими прилегающими к нему княжествами<sup>2</sup>.

Как могло случиться, что, уже имея свое автохтонное самоназвание, новгородцы (вдурт!) решили взять себе еще одно, причем заимствовав его у совершенно первобытных в то время финнов? Все это построение Г.В. Дзибеля выглядит настолько неубедительным, что поневоле начинаешь сомневаться, действительно ли автор так объективен, как он заявляет в начале статьи? Известны ли вообще в этнологии случаи, когда народ, уже имеющий самоназвание, в дополнение к нему заимствует еще одно у соседей, стоящих по уровню материального, социального и культурного развития гораздо ниже его самого? Было бы интересно услышать ответ специалиста-этнолога, каковым без сомнения является Г.В. Дзибель.

Далее: непонятно, куда при заимствовании слав. *rodiči* в финские диалекты подевался звук *i* в суф. *-ič*? Такой же *i*, например, в фин. *kuomina* “гумно” (< др.-рус. *гоумьно* с редуцированным “ь”) прекрасно сохранился, но в слове *Ruotsi* < \**rod(i)či* почему-то потерялся. В языке так не бывает — если при заимствованиях звук сохраняется в одном слове, то и в других словах в аналогичной позиции он будет сохраняться. Почему для слова *Ruotsi* < \**rodiči* надо делать исключение, Г.В. Дзибель опять же не объясняет.

Можно согласиться с автором в том, что “предлагаемая этимология этнонима *русь* как восходящего к слав. \**rodičь*, \**rodiči* вбирает в себя лучшее из многовековых попыток разыскать корни самоназвания русских и не страдает недостатками существующих этимологий”. Действительно, эта этимология оригинальна и недостатками предшествующих гипотез “не страдает”. Однако она страдает своими собственными недостатками, которые коренятся в области логики и способов аргументации. Суммируем эти недостатки в кратком резюме:

1. Опровержение автохтонной этимологии “руси” (из прасл. \**roud-sь* “(народ) русых, рыжих”) не выдерживает критики, ибо опирается не на специальные труды лингвистов, а на походя высказанное мнение археологов (точнее, одного, пусть и очень уважаемого, археолога).

2. Реконструкция возникновения слова “русь” выглядит неоправданно сложной:

а) сначала автор предполагает использование северо-восточными славянами слова “родичи” для характеристики своего социума (что вероятно и даже единственно возможно);

б) затем это слово якобы усваивается соседними финнами в форме \**rōtsi* (что фонетически невозможно; см. выше мое замечание о “потерявшемся” *i*). А дальше начинается полет фантазии, свободный от каких бы то ни было доказательств, зато не свободный от ошибок;

в) на следующей стадии эволюции термина он начинает использоваться финнами для обозначения ВСЕХ восточных славян. Здесь остается непонятным, откуда финны могли узнать обо ВСЕХ славянах? Финны поддерживали торговлю с Черниговом и Владимиром на Клязьме? Посылали послов в Киев и на Волынь? Принимали



подарки от князей турово-пинских и тмутараканских? Было бы интересно проследить процесс “узнавания” финнами ВСЕХ восточных славян, но Г.В. Дзибель этого не делает, поскольку, само собой, данных об этом нет, а значит, все это построение является чистой кабинетной фантазией;

г) далее северо-восточные славяне якобы заимствуют *\*rōtsi* от финнов уже в качестве самоназвания. Куда при этом девается их автохтонное самоназвание “словене”, автор умалчивает. И он, без сомнения, ошибается, считая слово “русь” самоназванием ильменских славян, ибо это слово “в узком смысле” было закреплено за землями, прилегающими не к Новгороду, а к Киеву (см. выше);

д) наконец, сами финны, забыв о том, что словом *\*rōtsi* они называют русских/славян, начинают именовать этим словом шведов. На этом герменевтическом этапе аргументация Г.В. Дзibelя становится совсем уж невнятной, поскольку в рамках предлагаемой им гипотезы такой перенос совершенно алогичен, не говоря уже о том, что эта гипотеза приписывает народам странную “забывчивость”: новгородцы забывают, что они не “русь”, а “словене”, а финны, в свою очередь, забывают, что *\*rōtsi* — это не шведы, а славяне. Опять же, хотелось бы получить от специалиста примеры столь странного отношения к названиям соседей у других народов, чтобы поверить, что такое вообще возможно. Но типологически значимых примеров подобного рода Г.В. Дзибель не приводит.

3. Переход слав. *\*rodīči* в фин. *Ruotsi* фонетически невозможен, ибо при этом переходе необъяснимым образом теряется гласный *i*. Для ученого-этимолога уже одного этого факта было бы довольно, чтобы без малейших колебаний отвергнуть данную этимологию. Но зачем прибегать к авторитету этимологов, когда есть археологи — и прежде всего Л.С. Клейн?

Все эти недостатки работы Г.В. Дзibelя не повторяют прежних ошибок “норманистов” и “антинорманистов”, а являются результатом бесспорной оригинальности его гипотезы. Что же, все новое не сразу и не всегда бывает правильным, часто требуется дополнительная шлифовка и доработка. Остается пожелать автору по возможности учесть сделанные замечания и внести поправки в свою гипотезу. А пока этого не произошло, наиболее обоснованной, на мой взгляд, остается славянская этимология этнонима “русь” из прасл. *\*roud-* “русый, рыжий”.

### Примечания

<sup>1</sup> “Норманисты” иногда считают остатком этнонима *русь* название приморской области в Швеции — Рослаген (*Roslagen*), однако это название фиксируется лишь с 1493 г. До этого область называлась Роден (*Roden*), что полностью исключает использование данного аргумента в дальнейшей дискуссии.

<sup>2</sup> Ср.: сложение первого территориально-государственного объединения — *Руси* — относится к первой половине IX в. (Насонов 1951: 37–39, 44–46); см. также: Рогов 1981: 153; Творогов 1987: 339; Кучкин 1995.

### Научная литература

Клейн Л.С. Спор о варягах. СПб.: Евразия, 2009.

Кучкин В.А. “Русская земля” по летописным данным XI — первой трети XIII в. // Древнейшие государства Восточной Европы. 1992–1993. М.: Наука, 1995. С. 74–100.

Максимович К.А. Происхождение этнонима *Русь* в свете исторической лингвистики и древнейших письменных источников // KANISKION: юбилейный сборник в честь 60-летия профессора Игоря Сергеевича Чичурова / Отв. ред. М.В. Грацианский, П.В. Кузенков. М.: Изд-во ПСТГУ, 2006. С. 14–56.

Насонов А.Н. “Русская земля” и образование территории древнерусского государства. М.: АН СССР, 1951.

Рогов А.И. О понятии “Русь” и “Русская земля” (по памятникам письменности XI — начала XII в.) // Формирование раннефеодальных славянских народностей / Отв. ред. В.Д. Королюк. М.: Наука, 1981. С. 151–156.

Tvorogov O. B. “Повесть временных лет” // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Т. I / Отв. ред. Д.С. Лихачев. Л.: Наука, 1987. С. 337–343.  
 Otrębski J. Русь // *Lingua Posnaniensis*. 1960. No. 8. P. 219–227.

## Research Article

Maksimovich, K.A. \*Rodiči – \*Ruotsi – Rus’: Critical Notes to the New Etymology of an Old Ethnonym [*\*Rodiči – Ruotsi – Rus’*: kriticheskie zametki k novoi etimologii starogo etnonima]. *Etnograficheskoe obozrenie*, 2021, no. 4, pp. 99–105. <https://doi.org/10.31857/S086954150016701-1> ISSN 0869-5415  
 © Russian Academy of Sciences © Institute of Ethnology and Anthropology RAS

Kirill Maksimovich | <http://orcid.org/0000-0003-0982-3495> | kirmaksimovic@gmail.com | Johannes Gutenberg University of Mainz (Saarstraße 21, 55099 Mainz, Rheinland-Pfalz, Germany)

## Keywords

diachronic linguistics, etymology, ethnonymics, Rus’, Ruotsi, Norman theory, anti-Normanism

## Abstract

The article seeks to critically analyze (primarily from the linguistic viewpoint) the new etymology of the ethnonym *Rus’* which had been recently suggested by G.V. Dzibel. To his view, the name *Rus’* must have been derived from the Common Slavic word *\*rodiči* intermediated through the Finnish *Ruotsi* “Swedes”: *rodiči – Ruotsi – Rus’*. Methods of diachronic linguistics (first of all, those of etymology and historical semantics) as well as those of source criticism detect in this hypothesis a number of exaggerations, unproved assertions and evident mistakes. The weakest element in the new etymology seems to be the thesis of the Finnish *Ruotsi* “the Swedes” as the intermediary between the primitive etymon *rodiči* and the resulting *Rus’*, for the Slavic *\*rodiči* could have produced in Finnish nothing but *\*Ruotsi*. The absence of the vowel *i* (after *t*) in *Ruotsi* makes the etymology of Dzibel completely fantastic. The author comes to the conclusion that the most plausible etymology of *Rus’* remains the one which dates from the mid-twentieth century: from the Common Slavic *\*roud-sъ* “(the community of) people with red hair”.

## References

- Klein, L.S. 2009. *Spor o variagakh* [The Discussion on the Varangians]. St. Petersburg: Evraziia.
- Kuchkin, V.A. 1995. “Russkaia zemlia” po letopisnym dannym XI – pervoi treti XIII v. [The “Russian Land” after the Annalistic Evidence of the 11<sup>th</sup> – the 1<sup>st</sup> Third of the 13<sup>th</sup> Century]. In *Drevneishie gosudarstva Vostochnoi Evropy. 1992–1993* [The Ancient States of the Eastern Europe], 74–100. Moscow: Nauka.
- Maksimovich, K.A. 2006. Proiskhozhdenie etnonima Rus’ v svete istoricheskoi lingvistiki i drevneishikh pis’mennykh istochnikov [The Provenance of the Ethnonym Rus’ in the Light of Diachronic Linguistics and the Earliest Written Sources]. In *KANISKION: yubileinyi sbornik v chest’ 60-letia professora Igoria Sergeevicha Chichurova* [KANISKION: A Festschrift for the 60<sup>th</sup> Anniversary of Prof. Igor Sergeevich Chichurov], edited by M.V. Gratsianskii and P.V. Kuzenkov, 14–56. Moscow: Izdatel’stvo PSTGU.
- Nasonov, A.N. 1951. “*Russkaia zemlia*” i obrazovanie territorii drevnerusskogo gosudarstva [The “Russian Land” and the Formation of the Territory of the Old Russian State]. Moscow: AN SSSR.
- Otrębski, J. 1960. Русь [Rus’]. *Lingua Posnaniensis* 8: 219–227.
- Rogov, A.I. 1981. О понятии “Рус” и “Russkaia zemlia” (po pamiatnikam pis’mennosti XI – nachala XII v.) [On the Notions “Rus” and “Russkaia Zemlia” (After Written Sources of the 11<sup>th</sup> – Early 12<sup>th</sup> Century)]. In *Formirovanie rannefeodal’nykh slavianskikh narodnostei* [The Formation of the Early Feudal Slavic Nationalities], edited by V.D. Koroliuk, 151–156. Moscow: Nauka.
- Tvorogov, O.V. 1987. “Povest’ vremennykh let” [The Kievan “Primary Chronicle”]. In *Slovar’ knizhnikov i knizhnosti Drevnei Rusi* [A Dictionary of Writers and Letters of the Early Rus’], edited by D.S. Likhachev, I: 337–343. Leningrad: Nauka.